

УДК 821.161.1.(2.)09

DOI 10.31654/2520-6966-2020-16f-101-23-38

В. В. Ленська

кандидат історичних наук, доцент

Криворізький національний університет

ORCID: 0000-0003-3135-2511

e-mail: vlenska@rambler.ru

**«Я осуждаю себя на странствие...»:
жизнь Н. В. Гоголя в трёхмерном пространстве**

У статті під незвичайним кутом зору розглядаються європейські мандрування М. В. Гоголя. Першою транзитною зупинкою на його шляху з рідного дому у великий світ був Петербург. Там він сповна пізнав, почім фунт лиха. Але природна цілеспрямованість, помножена на талант і силу характеру, зробила свою переможну справу: він не тільки утвердився в столиці, а й став відомою, визнаною особистістю в письменницьких колах Росії.

У дослідженні наголошується, що в Петербурзі молодий Гоголь фактично сам запрограмував себе на мандрування. Тут він назавжди розпроцавляється зі своїм подвійним прізвищем Гоголь-Яновський. Коротка, як змах крила, частина прізвища, яку письменник трактував як «перелітний птах», стала його візитівкою. Змінене прізвище визначило всю його подальшу долю як «еру мандрування». З усіх можливих доріг М. В. Гоголь вибрав найскладнішу. Це був шлях до самого себе. Символ дороги набув у його житті гіпертрофоване значення.

Аналіз художньої та епістолярної спадщини письменника, документів і мемуарів дали можливість автору висунути гіпотезу про три взаємопов'язані між собою дороги, умовно позначені як дорога вдальчійн, дорога вглиб і дорога вгору. Поєднуючись, вони визначили шлях письменника в світі живих і «мертвих» душ.

«Дивне життя на колесах» було його вічною дорогою вдальчійн. У процесі руху по ній відбувалося духовне перетворення письменника. У статті звертається увага на те, що потужним генератором його духовного вдосконалення стали нові знання та враження. Під їх впливом він осмислено і послідовно занурювався «всередину себе». На думку автора, такий спосіб життя можна назвати дорогою вглиб. Чим глибше занурювався письменник-мандрівник в осягнення божественних істин, тим більше спрямовувалася його душа вгору. Вивчення методології перетворення духовного світогляду письменника привели автора до висновку про те, що дорога вгору асоціювалася у нього з драбиною, образ якої в християнстві має сакральне значення як «Лествиця, що зводить до небес».

У контексті авторської інтерпретації життя і творчості М. В. Гоголя особливу увагу приділено його роботі «Вибрані місця з листування з друзями». Вона оцінюється як дзеркало зміненої душі письменника, в

змісті якої з'єдналися всі три дороги. Резонанс, викликаний публікацією неоднозначних думок автора, вщент розбив його жертвний життєвий жбан, а осколки смертельно уразили в саме серце, значно скоротивши життя. Гоголівський прозелітизм і провіденціалізм у потоці суспільної свідомості були відкинуті його співвітчизниками-сучасниками.

Насамкінець автор робить висновок про те, що повернувшись у Російську імперію та оселившись в чужій московській стороні, М. В. Гоголь зруйнував особисту єдність трьох доріг: вдалину, вглиб і вгору та обірвав свій земний шлях, залишивши «гарізному і правдивому потомству» духовний заповіт: «Шукайте та знайдете».

Ключові слова: Гоголь, Душа, дорога, шлях, мандрівки, занурення, драбина, перетворення.

Мы все – заложники дороги. Одни больше, другие меньше. Осознанно или неосознанно. Добровольно или принудительно. Понятие дороги вездесуще и находит отражение во всех культурах и религиях мира. Чаще всего дорогу отождествляют с жизненным путём человека. «Каждому определяет Бог дорогу, не похожую на ту, которую назначено проходить другому...», – считал Н. Гоголь и, несомненно, был прав [3, т. 6, с. 429]. В жизни самого писателя символ дороги приобрёл гипертрофированное значение.

В данной статье автор ставит целью проанализировать, какую роль сыграла дорога в жизни и творчестве Н. В. Гоголя в прямом и переносном смысле. Для решения поставленной задачи привлечены эпистолярное наследие писателя и его адресатов, воспоминания и свидетельства его друзей и недоброжелателей, современников и исследователей.

Недолгую 43-летнюю жизнь Н. Гоголя фактически можно поделить на два равновеликих по времени периода. Первые двадцать лет он был домоседом. Все его передвижения не выходили за границы Левобережной Украины и были связаны с необходимостью получения образования. Больше всего времени за пределами родительского дома он провёл в Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко. Она стала для него «началом начал» и оказала значительное влияние на формирование характера и будущей профессии литератора. В воспоминаниях о гимназисте Яновском, а именно под такой фамилией Гоголь проходит по учебной документации, существует большой разброс мнений. Одни запомнили его как «красивого белокурого, кудрявого мальчика, любимца товарищей, страстного поклонника всего высокого и изящного...; благонаправленного юношу...» [1, т. 3, с. 356, 389, 390]. Другие – напротив, как ленивого неряху, злого насмешника, настроившего всех против

себя обидными шутками и прозвищами, обыкновенную посредственность, плывущую против течения «наперекор всем стихиям» [1, т. 3, с. 353, 356, 358, 393–395].

Противоречивые суждения о себе самом импонировали Гоголю, что видно по тону его письма матери, написанного незадолго до окончания гимназии. «Правда, я почитаюсь загадкой для всех; никто не разгадал меня совершенно... В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом – угрюмый, задумчивый, неотёсанный и проч., в третьем болтлив и докучлив до чрезвычайности, у иных умён, у других глуп. Только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер» [1, т. 3, с. 408]. В действительности подлинный характер писателя разгадывают уже в течение двух столетий несколько поколений исследователей. Однако так и не разгадали. Более того, есть подозрение, что и сам Гоголь не знал своего настоящего характера. Как верно заметил российский философ В. Розанов, «Гоголь принадлежал к тем редким мятущимся и страстным натурам, которые и сами от себя не имеют «ключа». «Посланец Божий» – вот ему и всем таким имя» [13, с. 2].

Скрытный юноша, «таинственный Карла», как прозвали его гимназические товарищи, никогда и никого, даже близких ему людей, не посвящал в свои планы. Единственное, что не скрывалось, а напротив, афишировалось, так это желание вырваться из провинциального захолустья в столицу. А там, глядишь, подвернётся приличная государственная служба, на которой можно приносить пользу Отечеству и себе.

На самом деле, такое поведение выпускника гимназии было ни чем иным, как продолжением его любимого театра, где он привык демонстрировать яркие декорации и скрывать закулисье. Другие амбициозные планы, связанные с литературной деятельностью, роились в голове юноши. Поэтому последующие творческие успехи Н. Гоголя стали для его, по большей части именитых соучеников, и преподавателей гимназии громом в ясном небе. «От Гоголя менее всего можно было ожидать такой известности, какую он пользуется в нашей литературе», – считал один из преподавателей гимназии. В унисон ему звучит мнение В. И. Любич-Романовича, ставшего довольно-таки известным поэтом. Он утверждает, что «мы в то время, когда знали Гоголя в школе, не только не могли подозревать в нём «великого», но даже не видели и малого» [14, с. 113].

Шутка ли сказать – самые авторитетные и бескомпромиссные литературные критики поставят Н. В. Гоголя в иерархии звёзд первой величины в России даже выше А. С. Пушкина. «Мы в Гоголе

видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине... Чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества...». Так охарактеризует фактически только начинающего молодого писателя «неистовый Виссарий», критик и пламенный трибун В. Г. Белинский [9, с. 141]. А другой критик-революционер Н. Г. Чернышевский назовёт серию своих критических статей по литературе «Очерки гоголевского периода русской литературы» [9, с. 341–506].

Особенно всех впечатлило то, что на первом представлении «Ревизора» присутствовал сам царь с наследником и свитой, «хлопал и много смеялся» [10, с. 182]. Реакция царя на пьесу стала достоянием общественности и вызвала завистливую реакцию его небезызвестных нежинских приятелей. По воспоминаниям литератора И. И. Панаева, «Кукольник после представления «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта Гоголя, замечал: «А всё-таки это фарс, недостойный искусства»» [11, с. 173].

Крупные художественные произведения в жизни писателя были путеводными маяками. Ими он подводил черту под одним отрезком своего жизненного пути и предназначенья и стартовал в следующий. «Вечера на хуторе близ Диканьки» вывели его из неизвестности на столбовую дорогу русской литературы. «Ревизором» он сам себя «осудил на странствие», потому что «не житьё на Руси людям прекрасным. Одни только свиньи там живущи»» [12, т. 1, с. 372].

Этот горький упрёк Отечеству перекликается с той обличительной характеристикой Российской империи, которой её заклеил французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин: «Всё сводится здесь к одному-единственному чувству – к страху. В России страх... парализует мысль. Где нет свободы, там нет души и правды. Счастье в России невозможно» [6, с. 153].

Страх лишиться личной свободы и свободы творчества вытолкнул молодого писателя из страны. Дело в том, что в отличие от царской оценки аристократический чиновничий Петербург резко негативно отреагировал на спектакль и высказал враждебность по отношению к автору. Наиболее ревностные защитники существующего порядка вещей посчитали Гоголя «врагом России» и предлагали «в кандалах отправить в Сибирь» [1, т. 4, с. 97].

Да, именно после постановки «Ревизора» начинаются, по меткому выражению В. Набокова, «странные странствия Гоголя». «В его перелётах с места на место всегда было что-то от тени или

летучей мыши. Ведь только тень Гоголя жила подлинной жизнью – жизнью его книг, а в них он был гениальным актёром» [8, с. 554].

Писатель стремительно покинул Россию, чтобы на чужбине окунуться в Россию, отсекая всё, что мешало ему видеть её настоящую, «игнорируя природу мелочей» (В. Гусев). «В самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живой мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстаёт мне во всей своей громаде. А здесь я погиб и смешался в ряду с другими. Открытого горизонта нет предо мною...» [12, т. 1, с. 242].

Передвижения Н. В. Гоголя становятся *абсолютным* образом жизни. Редкие остановки или, по выражению писателя, «оседлость без укоренения» – всегда *относительны*. Здесь, вероятно, следует высказать предположение, что Гоголь сознательно запрограммировал себя на странствия, когда, приехав в Петербург, отказался от своей двойной фамилии Гоголь-Яновский. Оставшаяся часть – Гоголь – означала «селезень» (перелетная птица). По воспоминаниям Н. Кукольника, его гимназический товарищ уклонялся от расспросов об усечении фамилии [14, с. 98]. С этого времени и до конца жизни Гоголь станет человеком без определённого места жительства, продолжив Сковородинскую традицию странствующего поэта и философа, которая сводилась к концепции: «Что такое жизнь? Это странствие...». Оба продуктивно «познавали жизнь подошвами ног» (Жан-Жак Руссо).

В возрасте 27 лет, уже признанным в России писателем, Гоголь во второй раз приедет в Европу, чтобы начать «эру странствования» (И. Золотусский). «Я бездомный, меня бьют и качают волны, и упираться мне только на якорь гордости, которую вселили в грудь мою высшие силы...», – напишет он в скором времени из Рима М. П. Погодину [3, т. 7, с. 174].

Множество путей лежало перед молодым Гоголем. Он выбрал самый сложный – путь к самому себе. Творчество, писательство, перемещения в пространстве, познание мира – это только подручные средства в лаборатории его души. «Он себя собою только мерил / Он идёт себе куда-нибудь. / Ни во что вокруг пока не веря, / Только в свой непостижимый путь» [4, с. 10].

Европа способствовала постепенному вхождению Н. В. Гоголя в его трёхмерное духовное пространство, состоявшее из трёх дорог: *вдаль*, *вглубь*, *вверх*. На земле найдётся совсем немного людей, которые бы уделяли столько времени и душевных сил формированию собственной личности для внутреннего пользования.

Параллельно шёл процесс создания имиджа псевдоличности, но уже для внешнего мира. «Таинственный Карла» всё ещё не отказывался от привычек юности. В плане построения духовного двигателя внутреннего сгорания в физическом теле Гоголь в некотором роде предвосхитил кубизм Пикассо. Художнику «трёхмерное тело в оригинальной манере рисовалось как ряд совмещённых воедино плоскостей», а жизнь писателя воспринимается как триада дорог.

Устремление *вдаль* формируется в Гоголе уже в юношеском возрасте. Сначала пределом его мечтаний был Петербург. Хотя, судя по юношеским стихам, где-то на подсознательном уровне уже мерещились Италия и Германия. Несмотря на разочарование атмосферой, царившей в северной столице, бедный, мелкопоместный дворянин-провинциал собственными силами не только утвердился в столице, но и стал заметной фигурой в интеллектуальной среде Северной Пальмиры. В нём во всей полноте проявилась родовая черта его предков – способность к выживанию и самоутверждению в любых неблагоприятных условиях.

Главной заслугой Н. Гоголя этого периода является то, что он первым начал создавать периодическую систему «гадких рож в России». Публичным смехом и невидимыми слезами писатель стремился «перевернуть перевернутый мир» (Дж. Бруно), сыграть на тонких душевных струнах соотечественников, заставить их ужаснуться атмосфере, царившей в Российской империи. Но струны оказались слишком толстыми, а сердца безнадежно глухими. Прославив эпатажным писателем, оказавшись непонятым российским читателем, исчерпав свой потенциал в родной стороне, Гоголь отправляется на чужбину.

Для себя лично, ещё будучи в Петербурге, он осознал, что его физический ресурс весьма ограничен. На смену идее фикс: «Я достигну!», пришла другая: «Надо успеть!». Писатель возлагал большие надежды на европейские методы лечения болезней желудочно-кишечного тракта, которые обострились у него от неустроенной жизни в промозглой северной столице. Его многочисленные жалобы на желудок, в котором «сидит какой-то чёрт...» и «несносную болезнь, деспотически вошедшую в состав мой и обратившуюся в натуру...», буквально громоздятся в письмах разным адресатам. Насколько всё было серьезно, свидетельствует то, что обычно скрытный Гоголь на каждом перекрёстке трубил об одной и той же своей болячке, не стесняясь даже дам. Княжна В. Н. Репнина, которая много общалась с ним в Германии, с насмешкой и

раздражением отмечает: «... Мы постоянно слышали, как он описывал свои недуги; мы жили в его желудке» [1, т. 4, с. 40].

Недоверие к отечественной медицине было одним из побудительных мотивов долгого 12-летнего скитания писателя по городам и весям Европы. В иерархии множества других причин, на которых мы не будем останавливаться в данной статье, стремление вылечиться «от хворости в самой благородной части тела – в желудке», была едва-ли не самой главной. Она беспрестанно толкала его в путь, что подтверждает маршрут передвижений Гоголя. Он пролегает по европейским городам, где были минеральные источники или признанные медицинские светила в области лечения желудочных болезней (см. Приложение: Хронология и география странствий Гоголя). Однако жизнь в очередной раз подтвердила, что «мечты людские несбыччивы, а сожаления – бесплодны. Кому не вынулся хороший номер – щеголяй с пустым, да и не сказывай никому» [15, с. 184]. Гоголю не повезло с детства в том смысле, что его могучий дух и творческий потенциал были помещены в хлипкое, болезненное, маломощное тело. А уровень развития медицины и физической культуры в позапрошлом веке находились на примитивном уровне.

Однако нет худа без добра. Периодические болезненные приступы, которые выбивали Гоголя из привычного писательского процесса, способствовали развитию других творческих сторон его многогранной личности и духовных поисков. В отличие от Пушкина или Достоевского, Гоголь не был подвержен зависимости от азартных игр. «Дух глубины и пытливости» (А. Блок) толкал его на изучение разных сторон европейской жизни и культуры. Поток новых впечатлений притуплял болезненные ощущения и давал пищу для размышлений. Он считал, что «русский гражданин должен знать дела Европы...». Но «если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустить из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра...» [3, т. 6, с. 438].

Вся последующая европейская и постевропейская жизнь писателя доказывают, что он просто-напросто был запрограммирован на эти самые «русские начала» и смотрел на благополучную заграничную жизнь через узкое, подслеповатое окно «русского мира». Отчасти это было связано с его довольно ограниченными коммуникативными возможностями. Неважное знание иностранных языков и некоторая спесь в отношении других народов, свойственная русской натуре, стесняли его живое и непредвзятое общение с европейскими писателями. Многие из них были близки по духу

творчества Н. Гоголю. Взять того же О. Бальзака с его «Человеческой комедией» и стремлением породниться с настоящей гоголевской Родиной – Украиной. В то время, как Гоголь познавал Францию, Бальзак стремился укорениться в украинской земле. Потомкам остаётся только гадать: была бы или нет польза от его творческих контактов с зарубежными писателями. А возможности были. Но самым интересным было то, что, посещая неоднократно Мюнхен, писатель проигнорировал (или его проигнорировали?) встречу со своим соотечественником, дипломатом и поэтом Ф. И. Тютчевым. По глубине и выразительности поэтической мысли тот практически не уступал гоголевскому кумиру А. С. Пушкину. А славянофильство Тютчева было тождественно взглядам самого Гоголя. Всего лишь парой строк поэт в полном объёме ответил на многие мучившие Гоголя вопросы по поводу судьбы России: «Умом Россию не понять. / Аршином общим не измерить...».

Поток новых зарубежных впечатлений, нахлынувший на писателя в этой длинной и долгой дороге *вдаль*, продуктивно перемалывался в жерновах его души. Ещё будучи в России, Н. В. Гоголь обозначил подобную работу ума как *погружение*. Оно было одним из любимых его занятий. То он «весь был погружён в историю», то в «Мёртвые души», то в творчество. Теперь он был погружен в европейские события и жизнь русской диаспоры.

Постижение себя и мира было ничем иным как дорогой *вглубь*. Справедливости ради следует сказать, что чаще всего и более всего Гоголь был погружён в самого себя. В конце своего жизненного пути он частично опубликует итог своих неоднозначных и в чём-то скандальных размышлений, как «исповедь человека, который провёл несколько лет *внутри себя*» [3, т. 6, с. 439]. Речь идёт о «Выбранных местах из переписки с друзьями».

Постоянная дорога *вдаль* как нельзя лучше способствовала продвижению *вглубь*. Накладываясь одна на другую, обе дороги формировали многомерный мир писателя. «Не без цели и значенья были мои поездки, удаленья и отлучения от мира, ...совершалось незримо в них воспитание души моей... Много труда и пути, и душевного воспитания впереди ещё...», – напишет Н. В. Гоголь в начале 40-х годов В. А. Жуковскому [1, т. 4, с. 199]. Аналогичная мысль звучит во многих письмах другим адресатам: «Наиболее живу в работе, отчасти в письмах, отчасти во внутренней собственной работе...» [1, т. 4, с. 242].

Живя «внутри себя», Гоголь, тем не менее, находил время для коммуникации с внешним миром. Большое влияние на

формирование религиозного мировоззрения писателя оказала Италия, единственная страна, где, по его мнению, молятся по-настоящему. Там он близко сошёлся с художником А. А. Ивановым, работавшим над грандиозным полотном «Явление Христа народу». В этом тандеме Гоголь был ведущим, а Иванов ведомым. Тем не менее, доверительные отношения, душевные беседы в мастерской художника и общность натур, имели обоюдное влияние. Гоголю импонировало самоотверженное служение Иванова искусству, который шёл «своей собственной дорогой», ни на кого не оглядываясь. Он давно умер для всего в мире, кроме своей работы [3, т. 6, с. 324]. Сам писатель исповедовал такую же философию творчества и призывал всех мастеров кисти и пера к подобному жертвенному служению искусству. Может быть не столько лично художник, сколько сюжет его картины, вдохновил Н. Гоголя на путь поиска вечного духовного идеала и указал дорогу к цели. Рентгеновский взгляд писателя быстро разглядел, что «над этою картиною совершилось воспитание собственно художника, как в рукотворном деле искусства, так и в мыслях, направляющих искусство к законному и высшему назначенью» [3, т. 6, с. 325]. Так почему бы и ему не пройти аналогичный путь? Что он и сделал. В главе «Исторический живописец Иванов» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он прямо на это указывает, когда пишет: «Мои сочиненья тоже связались чудным образом с моей душой и моим внутренним воспитаньем... Вся работа производилась во мне и собственно для меня» [3, т. 6, с. 329].

Пока Гоголь погружался в изучение природы преображения творческого человека «по воле Бога», художник изобразил на холсте траекторию пути самого писателя в погоне за совершенством в собственной интерпретации. Достаточно ознакомиться с эскизом «Голова ближайшего», написанном с Гоголя, и с картиной в целом, где изображён писатель в её правой части, чтобы понять, какой тернистый путь предстоит пройти ему до того, как «по воле Бога начнётся переработка в собственной природе человека» [3, т. 6, с. 328]. И результат вряд-ли оправдает ожидание. Жизненный и эстетический опыт человека, четверть века работающего над таким сложным мировоззренческим сюжетом, давал ему понимание того, что никто не может встать вровень с Сыном Божиим. Вечен только Путь к цели. Позирование писателя для картины указывает на то, что она стала для него открыто заявленным манифестом самосовершенствования.

Чем глубже погружался Н. В. Гоголь в постижение божественных истин, тем больше устремлялась его душа *ввысь*. Дорога вверх ассоциировалась у него с лестницей. Образ лестницы в разных вариациях неизменно присутствует уже в его ранних повестях. Правда, ни одна из них не приводит его персонажей на вершину успеха или блаженства. Скорее, это просто «дорога вверх по лестнице, ведущей вниз» (Белл Кауфман). Как мы теперь знаем, и сам писатель пройдёт аналогичный путь. В отличие от вечной дороги вдаль, которая сразу бросается в глаза каждому, кто знаком с его жизнью, дорога вверх до определённого времени была совершенно скрыта от посторонних глаз. Гоголь умел прятать сокровенное. С мыслями о ней и с чувством её незавершённости писатель умрёт. По многочисленным воспоминаниям людей, присутствующих при его агонии, последними словами умирающего были: «Лестницу! Поскорее давай лестницу!».

Лестница, образ которой у Гоголя был не менее устойчивым, чем колесо и дорога, имеет в христианстве сакральное значение. Она пересекает три космические зоны, связывая разные миры: Божественный, Человеческий и Подземный. Благодаря ей создаются условия для коммуникации между ними.

Игумен Синайского монастыря Иоанн ещё на рубеже VI–VII вв. написал наставление для монахов «Лествица, возводящая к небесам», за что вошёл в историю под именем Лествичника. Согласно его учения, монашеская жизнь – «это непрерывное и трудное восхождение по лестнице (у него «по лестнице») духовного самосовершенствования, борьбы с собственными слабостями и пороками» [7, с. 731].

Гоголь, будучи светским человеком, тем не менее, вёл полу-монашеский образ жизни. Он был не только знаком с этим религиозным произведением, но и досконально изучал его. По мнению протоирея А. Кордочкина, современного исследователя и автора диссертации о «Лестнице», Акакий Акакиевич из «Шинели» – перерождение одноименного персонажа из 4-ой главы «Лестницы». Сюжет «Мёртвых душ» ни что иное, как доступное изложение учения Лествичника о человеческих страстях.

Чтение «Евангелия», «Лестницы» и другой религиозной литературы определили путь Н. В. Гоголя от панлогизма (всё в слове) к панентеизму (всё в Боге). Очевидно, здесь надо искать понимание «странного поведения» писателя в последние годы его жизни, когда он стремился переделать, переписать свои прежние сочинения в русле нового мировоззрения. Он взял на себя роль инквизитора и

безжалостно расправился с ними, вплоть до сожжения. Сам писатель во «Второй редакции окончания «Развязки «Ревизора» приоткрыл читателю работу своей души в этом направлении, «когда совесть заставляет взглянуть вдруг на самого себя во все глаза и испугаться самого себя... Этот ветреник Хлестаков, плут, или как хотите назвать, есть та поддельная ветренная наша совесть, которая, воспользовавшись страхом нашим, принимает вдруг личину настоящей и даёт себя подкупить страстям нашим». Но, говорит Гоголь, «следует взять того ревизора, который встречает нас в конце и с ним... оглядеть свою душу и вооружиться...против страстей...потому что лицемерны наши страсти...» [3, т. 4, с. 411, 412].

Древние китайские мудрецы считали, что «когда жертвенный сосуд полон, он опрокидывается» (Хун Цзычэн). Переполненный духовный сосуд Н. В. Гоголя выплеснулся «Выбранными местами из переписки с друзьями». В этом произведении он подвёл итог преображению своей души, соединив в нём воедино все три дороги, по которым он пришёл к себе другому. Писатель наивно понадеялся, что под воздействием его Слова и личного примера, вместе с ним начнёт совершенствоваться такой несовершенный русский мир. Всегда осторожный, закрытый, «таинственный Карла» под конец жизни допускает роковую ошибку, приоткрыв свой, всегда так тщательно оберегаемый внутренний мир, перед пёстрой, разноголосой читательской аудиторией. Она не оправдала его ожиданий, освистала и его же благими намерениями начала мстить ему дорогу в душевный ад.

Так Гоголь уже вторично потерпел фиаско на ниве просвещения. Первый раз, когда преподавал историю в Петербургском университете, а второй – в попытке «поддерживать в духовной форме свой народ» (Ф. Абрамов). Тогда он написал историку М. П. Погодину: «Неузнанный я взошёл на кафедру и неузнанный схожу с неё» [12, т. 1, с. 358]. Теперь он мог с горечью и обидой повторить те же слова, с той только разницей, что раньше его аудиторией была студенческая молодёжь, а теперь вся читающая Россия.

Зная способность писателя к мистификации, большинство интеллектуальной российской элиты отказало ему в праве быть проповедником и совестью нации, хотя он взывал «верить этим словам, которые говорит душа впервые в свою жизнь» [3, т. 4, с. 416]. Никто не поверил, даже друзья. Каждый оценивал новоявленную личность Н. В. Гоголя и мерил, сказанное им, своею меркою. Его так давно не видели в России, что не признали нового. Им не было дела до того, что:

«Не то я стал, что прежде было,
И путь унылый бытия,
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно изменили» [16, с. 138].

Он упорно поднимался вверх по духовной лестнице, а его читатели топтались на её первых ступенях, погрязнув в своих социальных проблемах и бытовых делах. У них не было ни желания, ни возможности отречься от всего, что составляет жизнь обыкновенного человека, как это сделал Гоголь. Кто их осудит? Думаю, никто.

Гоголевский палингenez души не вдохновил его соотечественников. А сам он в новом качестве перестал соответствовать запросам российского общества и неофициально был объявлен сумасшедшим. Погиб так же, как его кумир А. С. Пушкин, «оклеветанный молвой».

«Забросив свой страннический посох» и вернувшись в Россию, Н. В. Гоголь разрушил личную триаду дорог: *вдаль*, *вглубь* и *вверх*. Осталась только лестница, которая, как известно, имеет два конца: вниз и вверх. И оба вели в неземной мир. Отрекшись от дороги вдаль, которая, по его мнению, была ему «жизненно необходима», поселившись в чужой московской стороне, писатель потерял вкус к жизни и творчеству. И запрограммировано умер. «Он дотащил свой крест» (В. Корнилов) и его «свеча судьбы погасла» (В. Песков).

Но и после его смерти, теперь уже нематериальная дорога вдаль, продолжала преследовать его. Правда, масштаб стал другой. В одном случае – мелкий, когда по решению советского правительства его останки перекочевали с одного московского кладбища на другое. В другом – вселенский, когда его имя стало известно всей читающей публике Земли.

«Осуждая себя на странствие», своими перемещениями по миру, которые вынужденно стали ментальной чертой украинцев, писатель завещал землякам выстраданную истину: «Трудней всего на свете тому, кто не прикрепил себя к месту...» [3, т. 6, с. 466]. Понимание этой мысли начало закладываться в Н. В. Гоголе ещё во время его активных странствий, о чём свидетельствуют слова из письма П. А. Плетнёву: «Вы счастливы, Пётр Александрович! Вы не испытали, что значит дальняя дорога. Оборони Вас и испытывать её» [12, т. 1, с. 236]. Но тогда, «зачем он на вечные веки ушёл / за жестокой звездой окаянной дорогой?..» (Б. Чичибабин).

Литература

1. Вересаев В. В. Сочинения: в 4 т. / под ред. Ю. Фохт-Бабушкина. Москва: Правда, 1990.
2. Виноградов И. А. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: научно-критическое издание: в 3 т. Москва: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. С. И. Машинского, Н. Л. Степанова, М. Б. Храпченко. Москва: Художественная литература, 1966.
4. Гусинский Ю. Стихи. *Литературная Россия*. 1988. № 35 (1335). С. 10.
5. Золотусский И. П. Гоголь. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Молодая гвардия, 1984. 527 с.
6. Кюстин А. Николаевская Россия / пер. с франц. Москва: Политиздат, 1990. 256 с.
7. Малая энциклопедия современных знаний / сост.: В. А. Менделев. Харьков: Торсинг, 1998. 768 с.
8. Набоков В. В. Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинёв: Лит. Артстикэ, 1989. 654 с.
9. Н. В. Гоголь в русской критике: сб. статей. Москва: Госиздат художественной литературы, 1953. 287 с.
10. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. / под общ. ред. Н. Л. Бродского, Ф. В. Гладкова, В. М. Головенченко, Н. К. Гудзия. Москва: Госиздат худ. лит., 1955.
11. Панаев И. И. Литературные воспоминания / вступ. ст. и комм. И. Г. Ямпольского. Москва: Правда, 1988. 448 с.
12. Переписка Н. В. Гоголя: в 2 т. / редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; сост. и коммент. А. Карпова и М. Виролайнен. Москва: Худ. лит., 1988.
13. Розанов В. Гоголь. *Тайны прошлого*. 2011. № 6. С. 2.
14. Супрунюк О. К. Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Библиографический словарь. Киев: Академперіодика, 2009. 252 с.
15. Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания / прим. Л. Сарбаш, Л. Лотман. Москва: Правда, 1987. 384 с.
16. Шевченко Т. Г. Кобзар. Київ: Держвидав художньої літератури, 1961. 608 с.

References

1. Veresaev V. V. (1990). *Sochineniya v chetyryoh tomah* [Works in four volumes.]. Pod red. YU. Fohht-Babushkina. M.: Pravda [in Russian].
2. Vinogradov I. A. (2011-2013). *Gogol' v vospominaniyah, dnevnikh, perepiske sovremennikov. Polnyj sistematicheskij svod dokumental'nyh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoe izdanie. V 3 tomah*. [Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. Complete systematic body of

documentary evidence. Scientific and critical edition. In 3 volumes]. M.: IMLI RAN [in Russian].

3. Gogol' N. V. (1966). *Sobranie sochinenij v semi tomah* [Collected Works in seven volumes]. Pod obshchej red. S. I. Mashinskogo, N. L. Stepanova, M. B. Hrapchenko. M.: Hudozhestvennaya literature [in Russian].

4. Gusinskij Y. U. (1988). *Stihi. Literaturnaya Rossiya* [Poems. Literary Russia.], № 35 (1335) [in Russian].

5. Zolotusskij I. P. (1984). *Gogol'* [Gogol]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Molodaya gvardiya [in Russian].

6. Kyustin A. (1990). *Nikolaevskaya Rossiya: Perevod s franc* [Nikolaevskaya Russia: Translation from French]. M.: Politizdat [in Russian].

7. *Malaya enciklopediya sovremennyh znaniy* (1998). [Small encyclopedia of modern knowledge] / sostavitel' Mendelev V. A. Har'kov: Torsing [in Ukraine].

8. Nabokov V. V. (1989). *Priglasenie na kazn': Romany, rasskazy, kriticheskie esse, vospominaniya* [Invitation to execution: Novels, stories, critical essays, memoirs]. Kishinyov: Lit. Artistike [in Moldova].

9. *N. V. Gogol' v russskoj kritike. Sb. Statej* (1953). [N.V. Gogol in Russian criticism. Collected articles]. M.: Gosizdat hudozhestvennoj literatury [in Russian].

10. Nikitenko A. V. (1955). *Dnevnik. V tryoh tomah* [Diary. In three volumes]. Pod obshchej red. N. L. Brodskogo, F. V. Gladkova, V. M. Golovenchenko, N. K. Gudziya. M.: Gosizdat hudozhestvennoj literatury [in Russian].

11. Panaev I. I. (1988). *Literaturnye vospominaniya* [Literary memoirs] / Vstup. st. i komm. I. G. YAmopol'skogo. M.: Pravda [in Russian].

12. *Perepiska N. V. Gogolya. V 2-h tomah* (1988). [Correspondence of N.V. Gogol. In 2 volumes] / Redkol.: V. Vacuro, N. Gej, G. Elizavetina i dr.; sost. i komment. A. Karpova i M. Virolajnen. M.: Hudozhestvennaya literature [in Russian].

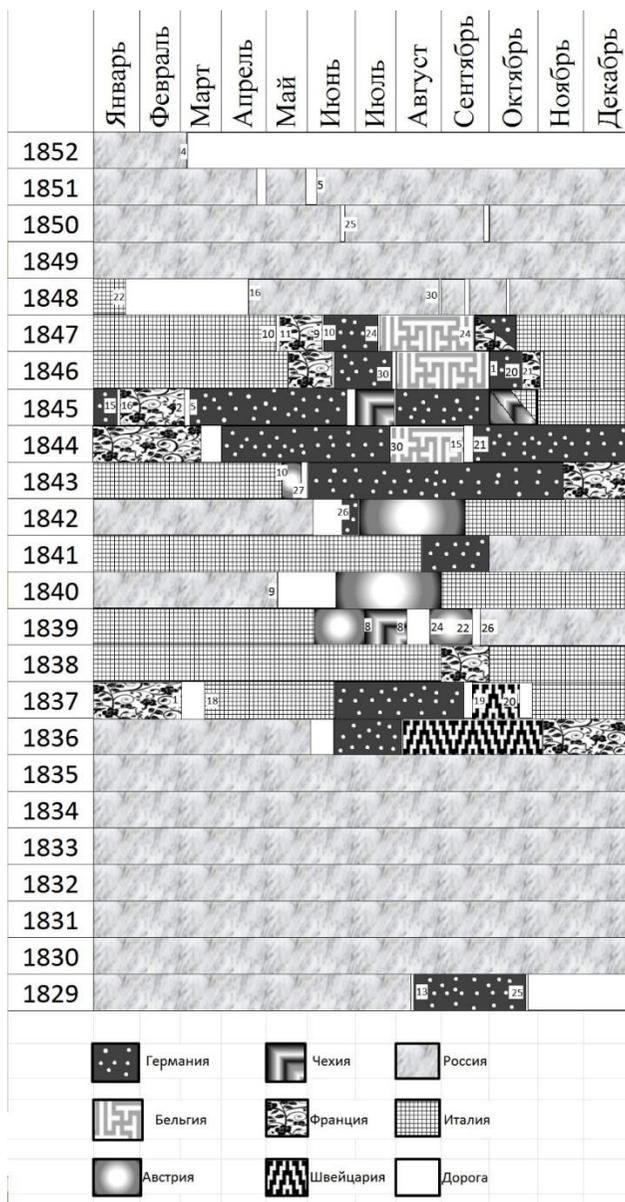
13. Rozanov V. (2011). *Gogol'* [Gogol] // *Tajny proshlogo*. № 6 [in Russian].

14. Supronyuk O. K. (2009). *N. V. Gogol' i ego okruzhenie v Nezhinskoj gimnazii. Bibliograficheskij slovar'* [Gogol and his milieu in the Nizhyn gymnasium. Bibliographic Dictionary]. K.: Akadempriodika [in Ukraine].

15. Turgenev I. S. (1987). *Literaturnye i zhytejskie vospominaniya* [Literary and everyday memories] Prim. L. Sarbash, L. Lotman. M.: Pravda [in Russian].

16. Shevchenko T. G. (1961). *Kobzar* [Kobzar.]. K.: Derzhvy'dav xudozhn'oyi literatury [in Ukraine].

Хронологія і географія странствий Николая Васильевича Гоголя

V. V. Lenska

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Krivoy Rog National University

«I condemn myself to wandering ...»: life of N. V. Gogol in Three-Dimensional Space

The article examines the European wanderings of N. V. Gogol from an unusual angle. The first transit stop on his way from his home to the big world was St. Petersburg. There, he fully learned what misfortune is all about. But natural determination, multiplied by talent and strength of character, did their triumphant work: he not only established himself in the capital, but also became a famous, recognized personality in the literary circles of Russia.

The study shows that in St. Petersburg the young Gogol actually programmed himself to travel. He forever said goodbye to his double surname Gogol - Yanovsky. The short, like a flap of a wing, part of the surname, which the writer interpreted as a «bird of passage», became his hallmark. The changed surname determined his entire future as the «era of wandering.» Of all the possible roads, N. V. Gogol chose the most difficult one. It was the path back to himself. The symbol of the road acquired a hypertrophied meaning in his life.

The analysis of artistic and epistolary heritage, documents and memoirs made it possible for the author to put forward a hypothesis about three interconnected paths, conventionally designated as a Path Far, a Path Inside and a Path Up. Combining, they defined the unique Path of the writer in the world of living and «dead» souls.

«Strange Life on Wheels» was his eternal journey into the distance. In the process of traveling, the spiritual transformation of the writer took place. The article draws attention to the fact that new knowledge and impressions have become a powerful generator of his spiritual development. Under their influence, he deliberately and consistently plunged «inside himself.» According to the author, this way of life can be called a Path Inside. The deeper the wandering writer plunged into the comprehension of divine truths, the more his soul aspired upward. The study of the methodology for transforming the writer's spiritual outlook led the author to the conclusion that the upward road was associated with a staircase, the image of which in Christianity has a sacred meaning as a «Ladder leading to heaven».

In the context of the author's interpretation of the life and work of N. V. Gogol, special attention is paid to his work «Selected Passages from Correspondence with Friends». It is evaluated as a mirror of the transformed soul of the writer, in the content of which all three paths are connected. The resonance caused by the publication of the Gogol's ambiguous thoughts significantly shortened his life. Gogol's proselytism and providentialism in the seeking stream of public consciousness were rejected by his contemporaries compatriots.

In summary, the author concludes that, having returned to the Russian Empire and settled in a foreign Moscow, N. V. Gogol destroyed the personal unity of the three paths: far, inside and upward and cut off his earthly Path, leaving his «stern truthseeking followers» a spiritual testament: «Seek, and ye shall find»:

Key words: Gogol, Soul, road, path, wanderings, immersion, stairs, transformation.